

Тема 9 . Региональная политика в условиях экономической реформы.

Содержание темы:

Под региональной политикой в Российской Федерации понимается система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизм их реализации.

Под регионом понимается часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий.

Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации.

Основными целями региональной политики в Российской Федерации являются:

обеспечение экономических, социальных, правовых и организационных основ федерализма в Российской Федерации, создание единого экономического пространства;

обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты, гарантирование социальных прав граждан, установленных Конституцией Российской Федерации, независимо от экономических возможностей регионов;

выравнивание уровней социально-экономического развития;

предотвращение загрязнения окружающей среды, а также ликвидация последствий ее загрязнения, комплексная экологическая защита регионов;

приоритетное развитие регионов, имеющих особо важное стратегическое значение;

максимальное использование природно-климатических особенностей регионов;

становление и обеспечение гарантий местного самоуправления.

Выбор общей концепции управления региональным экономическим процессом является сегодня, как и два столетия назад в эпоху становления экономической мысли, отнюдь не праздной проблемой как для высокоразвитых в экономическом смысле стран, так и для государств, находящихся в поиске дальнейших путей своего развития. Россия сегодня (Е это государство с достаточно высоким уровнем развития производительных сил, квалифицированными трудовыми ресурсами и в этом смысле скорее относится к развитым странам. С другой стороны, незавершенность трансформации экономических отношений говорит о переходном, развивающемся

характере отечественной экономики.

Подобное двойственное состояние несет в себе значительные сложности, которые состоят в снижении общей эффективности экономики в период трансформаций, но при этом открывает и новые перспективы. Экономика России может сделать серьезный шаг вперед даже по сравнению с развитыми капиталистическими странами, сформировав такую модель управления экономическими отношениями, которая бы учитывала все современные тенденции мировой экономики.

Взгляды ученых и практиков на проблемы управления экономикой со времен А.Смита пережили существенные изменения, особенно в первой половине XX века. Концепция «laissez-fair» невмешательства государства в экономику - постулата, выдвинутого отцами либеральной идеологии еще в XIX веке, не нашла своего полного подтверждения.

Идея неуклонного и неминуемого снижения роли государства в управлении рыночной экономикой, а равно как и идея о саморегулируемости рынка, в своем классическом виде не прошли проверку на практике. Это показал мировой экономический кризис 1929-1933 годов вследствие хаотического, неуправляемого развития экономики ведущих капиталистических государств. Этот период стал точкой отсчета для развития новых взглядов на управление экономикой. Положения, выдвинутые Дж. Кейнсом, позволили вскрыть внутреннее противоречие неолиберальной теории и послужили основой для создания новой системы регулирования экономики, в рамках которой государству отводится более значимая роль.

При этом процесс управления рассматривается лишь как регулирование рыночных механизмов, не подвергая сомнению возможность экономики к самоорганизации. Такова экономическая доктрина большинства стран с рыночной экономикой сегодня. А какой она будет в XXI веке при переходе от постиндустриального уклада к информационному?

Анализ основных закономерностей функционирования мировой экономики указывает на то, что основными приоритетами сегодня являются

гуманизация и экологическая направленность развития. Поэтому термин «развитие» уже не отождествляется с понятиями «увеличение», «расширение» и т. п., а напротив, развитие экономики в настоящее время предполагает ограничение темпов роста производства и переход к более низкому стандарту потребления в высокоразвитых странах.

Несмотря на то, что потребление и производство в России еще не достигло уровня развитых государств, нам необходимо учитывать указанные выше тенденции. С другой стороны история и многоукладная культура нашей страны также оказывают существенное, если не решающее, влияние на политическую, социальную и экономическую организацию общества, для которого всегда был характерен дух коллективизма, идея справедливости.

Все выше сказанное позволяет сформулировать основу современной концепции управления экономикой России в целом и региональным хозяйством, как составной ее частью:

- гуманитарная и экологическая направленность экономики, ее инновационность;
- сочетание рыночных механизмов и государственного регулирования;
- обеспечение экономической эффективности, с одной стороны, и принципов социальной справедливости, с другой;
- регионализация экономики и демократизация управления.

Задание для самостоятельной работы:

Разбор кейс-ситуации:

Брендинг территорий и региональные идентичности.

В настоящее время Иваново — один из чуть более чем тысячи городов современной России, центр области, превышающей по своей территории только калининградский анклав. Это город странным образом включённый около тридцати лет назад в туристский маршрут «Золотое кольцо России». Город, за которым в разное время закрепились наименования «чёртова болота», русского и красного Манчестера, кузницы пролетарских кадров, столицы текстильного края, родины первого Совета и города невест... Уже

давно Иванову чужды региональные претензии на право считаться даже главным городом условного российского Нечерноземья, т.к. он, так и не достигнув отметки в полмиллиона жителей до демографического кризиса, после распада СССР потерял свой промышленный потенциал и символический капитал и перешёл во вторую лигу российских провинциальных городов, оставив краеведам право вспоминать о том, что когда-то город был центром Ивановской промышленной области и Верхне-Волжского совнархоза, имел статус «третьей пролетарской столицы» и даже претендовал на право стать столицей РСФСР.

Однако следует принимать во внимание и то, что помимо официальной модели размежевания пространства существуют и альтернативные, в значительной степени продиктованные оппозицией «центр — периферия». Локальные модели доминирования в разных локусах географического пространства структурируются по сходным сценариям. Даже устанавливаемые не самыми сложными расчетами маркеры пространства становятся предметом споров, как это происходит с символическим *центром* России, на статус которого претендуют Новосибирск и Красноярск. А вот Екатеринбург и Пермь — города с давней и сложной историей взаимоотношений — нашли своеобразный географический консенсус, используя слоганы «*первый город Азии*» и «*первый город Европы*».

В стране, где величину административных единиц принято измерять Бенилюксами и Франциями, даже символическое доминирование над территорией региона превышающего официальную юрисдикцию — большое искушение для местных властей. Вероятно, по этой причине борьба за право считаться, если уж и не третьей столицей, то хотя бы столицей Юга или Севера России, а также Поволжья, Урала, Сибири или Дальнего Востока в значительной степени увлекала местных руководителей в последние годы. В результате Казань получила официальный статус «Третьей столицы России», а оспаривавший этот титул Нижний Новгород стал всего лишь столицей Поволжья, закрепив за собой этот титул в Роспатенте и лишив его, таким

образом, Волгоград, Самару и Саратов — «самопровозглашенные столицы этого региона.

Некоторые сибирские и дальневосточные города не имеют конкурентов в своих локусах: Анадырь — столица Чукотки, Барнаул — Алтай, Дудинка — Таймыра, Магадан — Колымы, Петропавловск-Камчатский — Камчатки, Тында — БАМа. А вот в крупных городских агломерациях можно обнаружить проблемы. Так, например, в Новокузнецке местные активисты готовы оспорить у Кемерово право считаться столицей Кузбасса.

В ряде регионов «вторые города» превышают по своему экономическому потенциалу центры административно-территориальных единиц. Так, Вологда считается культурной, а Череповец промышленной столицей Русского Севера. Вообще российские Север и Юг представляют собой очень полистоличное пространство, где порой несколько городов делят титул столицы: Архангельск носит название столицы Севера и Поморья, Мурманск — столицы Заполярья. Краснодар не только столица Кубани, но и наряду с Ростовом-на-Дону и Сочи — столица Юга России. Более северные области имеют локальные статусы: Воронеж — столица Черноземья, а Курск — столица Соловьиного края. Неоспоримым является то, что Новочеркасск — это донская казачья столица. Маркировка по оси Восток — Запад в неофициальном конкурсе столиц России отсутствует. Только крайний Запад — Калининградскую область — можно противопоставить Дальнему Востоку. Восточный край державы столь же далёк от консенсуса относительно столичного маркера, как и европейская часть России. Екатеринбург, будучи официальной столицей Уральского федерального округа, столицей Приволжско-Уральского военного округа, считается столицей Урала, Челябинск — столицей Южного Урала, а Курган — Зауралья.

Конкуренция между городами не сводится к борьбе за доминирование в пространстве. Что же могут российские города предъявить себе и миру? Какие местные резервы задействуются для их репрезентации? Символических ресурсов у многих городов и регионов достаточно много, но обращает на себя

внимание то, что в перечне «столиц» преобладают монопрофильные монобрендовые обозначения. Это существенно обедняет с архитектуры бренда и сводит её преимущественно к промышленной специализации. Алексеевка — подсолнечная, Апрелевка — звукозаписывающая, Архангельск — лесопильная, Асбест — асбестовая, Балабаново — спичечная, Белгород — сахарная, Воронеж — авиационная, Гусь-Хрустальный — стеклодувная, Зеленоград — электроники, Иваново — текстильная, Ижевск — оружейная, Ирбит — мотоциклетная, Калуга — водочная и «колыбель» космонавтики, Каменск-Уральский — колокольная, Кизляр — коньячная, Киров — меховая и торфяная, Кострома — ювелирная, Котлас — целлюлозно-бумажная, Кунгур — воздухоплавания и чайная, Ликино-Дулево — автобусная и столица фарфора, Липецк — холодильников, Магнитогорск — металлургическая, Нижний Тагил — танковая, Новозыбков — это и столица российского старообрядчества, и столица российского Чернобыля, Норильск — цветной металлургии, Оренбург — пуховых платков, Орск — яшмовая и консервная, Павлово — слесарная, Пермь — моторостроительная, Самара — аэрокосмическая (ракетно-космическая) и русской девичьей красоты, Саранск — лампочная, Смоленск — бриллиантовая, Тамбов — спиртовая, Тольятти — автомобильная Тула — оружейная, самоварная, пряничная, Углич — сырная, Усть-Катав — трамвайная, Челябинск — индустриальная столица, Энгельс — троллейбусная. В сырьевых регионах «столичность» бренда связана с ископаемыми ресурсами: Бодайбо — золотопромышленная, Канск — буроугольная, Кемерово — угольная, Мирный — алмазная, Соликамск — соляная, Талнах — рудная, Калининград — янтарная, Новый Уренгой — газодобывающая, Тюмень — нефтегазовая, Нарьян-Мар, Нефтеюганск, Нижневартовск, Сургут — нефтедобывающие столицы. Сельское хозяйство выступает определяющим для выделения соответствующих столиц мелких и крупных регионов: Краснодар — фруктовая (плодовоовощная), Камышин — арбузная, Луховицы, Суздаль и Истобенск — огуречные столицы, Лебедянь — соковая, Медынь — медовая, Мичуринск — ягодная, Красноборск и

Судиславль — грибные, Суйда — картофельная, Сызрань — помидорная, Ставрополь — зерновая (хлебная) столица. Прочие варианты конструирования «столичности» можно объединить рубрикой «Разное»: Заринск — геронтологическая, Магадан — лагерная, Нижний Новгород — ярмарочная, бывшая торговая (купеческая, биржевая), Рыбинск — бывшая столица бурлаков, Новосибирск — научная столица (Академгородок), Оймякон — холода, Орёл — провинциальная литературная, Королёв — космическая столица, Петродворец (Петергоф) — дворцово-парковая и столица фонтанов, Кронштадт — военно-морская, Псков и Рязань — воздушно-десантные, Саров (Арзамас-16) — ядерного оружия, Североморск — Северного флота, Брянск — столица советского партизанского движения. Волгоград — столица российского патриотизма, Самара (Куйбышев) — секретная столица СССР, Сенгилей — блинная столица, Сергиев Посад — столица русского Православия, Сочи — летняя, курортная, отпускная, Урюпинск — провинциальная (глубинки), Ханты-Мансийск — российского биатлона, Кологрив и Олонец — гусиные столицы.

Брендинг городов и регионов — тема, ставшая в последние годы в России модной. Проблема для учёных, занимающихся регионалистикой и урбанистикой, заключается в том, что смысл термина «бренд» ускользает не только от явно злоупотребляющих им журналистов, полагающих, например, что бренд города можно зарегистрировать, но и от учёных, обращающихся к этой теме в рамках разного рода междисциплинарных и специальных исследований.

В последние годы мода на брендинг обернулась тем, что профессионалы крайне слабо влияют на идущие в регионах процессы. Осмыслением «миссии» городов и регионов на местном уровне занимаются администраторы. Осмысление региональной тематики, регионализма, не смотря на казалось бы обширный поток публикаций не выходит за рамки академического сообщества. В рамках кампании по брендингу и ребрендингу изобретаются новые туристические аттракционы, за городами закрепляются официальные

слоганы, создаются логотипы, выдаваемые авторами за бренды. Явно, что слово «бренд» для многих пишущих о нём, обладает весьма смутным содержанием. Так, закрепление за Урюпинском в 2012 году званий «столица российской провинции» и «столица российской глубинки» трактовалась в «Российской газете» как "регистрация бренда".

С 1998 года в Великом Устюге по инициативе правительства Москвы и администрации Вологодской области реализуется масштабный межрегиональный проект «Великий Устюг — родина Деда Мороза». Между тем, этот город был до конца XVII века центром Велико-Устюгской области, в начале XX столетия столицей Северо-Двинской губернии (1919 – 1929), в нём триста лет существует промысел чернения по серебру и был основан первый в регионе университет.

Даже в малых городах свести специфику локального текста к единственному основанию часто не возможно. Пожалуй, одним из самых известных примеров удачного туристского позиционирования считается город Мышкин, где в 1991 году был основан Музей мыши. В настоящее время в городе около двадцати музеев, и он уже репрезентируется и как столица лоцманов, и как родина известного производителя водки Петра Смирнова.

Мода на коммерческое использование сказочных и фольклорных персонажей существенно повлияла на процессы, выходящие за рамки туристической индустрии. Появился централизованный проект «Сказочная карта России», с энтузиазмом подхваченный некоторыми администраторами.

Например, Ульяновск усилиями такого рода технологий стал «местом встречи» В. И. Ульянова-Ленина с симбирским Колобком. Очевидно, что города с богатой историей нельзя свести к какому либо одному основанию для позиционирования даже в рамках туристского подхода. Образ «Сказочная Кострома — родина Снегурочки», существовавший ещё в советское время, был зарегистрирован под влиянием указанной моды лишь в апреле 2009 года. К заслуге костромичей следует отнести то, что архитектура их города как бренда не ограничивается одним или двумя уже упомянутыми образами, а

складывается из большого числа разнообразных элементов, но при этом за малыми городами области (Галич, Кологрив, Нерехта и др.) закрепляется лишь единственный профиль туристской специализации, что порой существенно умаляет культурный потенциал места.

Источники информации:

1. Кострома: туристские бренды. Режим доступа: <http://kostroma.ru/turbrends/index.aspx>

«Кострома царственная — колыбель династии Годуновых и Романовых, оплот российской государственности»; «Кострома Богохранимая»; «Кострома — жемчужина “Золотого Кольца”»; «Кострома — малая родина А. Н. Островского»; «Иван Сусанин — патриот земли русской»; «Кострома и Берендеево царство — родина Снегурочки»; «Кострома — ювелирная столица России»; «Завражье — край Павла Флоренского, Арсения и Андрея Тарковских»; «Кострома — льняная столица России»; «Кострома — сырная столица Центральной России».

2. Сказочная карта России. Режим доступа: <http://ria.ru/infografika/20110318/438423795.html>

Вопросы:

1. Оцените перспективы развития предложенных брендов для развития Костромской области как туристической зоны.

Кейс-ситуация 2.

О моделях политики

В обществах западного типа, во-первых, основополагающим является принцип «технологического/техницистского» отношения к миру – к природе как к естественной среде и к обществу как к социальной среде, выраженной известным афоризмом «природа не храм, а мастерская, и человек в ней хозяин». Соответственно, в обществах западного типа превалирует свободная, спонтанная, но рационалистическая воля индивидуума, которая не ограничена ни космическим, ни нравственным законом (мы свободны «вплоть» до свободы убивать друг друга – «философская» основа всех европейских войн). Статус индивидуума в таком обществе не гарантирован «порядком

Вселенной», индивидуум в нем нонконформист. Такое общество основано на воле индивидуума, в нем нет места фатализму, как в обществах восточного типа, где нет случайных, спонтанных вариаций и все предопределено «ходом вещей». Западное общество является социентричной самодетерминирующей системой, оно не космоцентрично, как восточное. Природа и общество (человек) в нем конгломеративны, т.е. человек и природа не связаны в единое гармоничное, неразрывное целое, как в обществах восточного типа. На Западе человек всегда «преобразует» природу. Соответственно, в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором важна приемлемость социального поведения и универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы. Общества западного типа, во-вторых, зиждутся на принципе неопределенности, в них политика – игра, основанная на равенстве шансов и неопределенности конечного результата. Т.е. в западном обществе история открыта и негарантирована, она непознаваема, так как человек не знает ее конечных перспектив. В таком обществе нет объективной политической истины, истина в нем конвенциональна (принята по соглашению), соответственно в обществе должен быть определенный консенсус и признание точки зрения меньшинства. Общества этого типа, в-третьих, основаны на атомарно-номиналистическом принципе, в соответствии с которым действует принцип гражданского договора (никто не может меня принудить к тем или иным общественным связям, которые действительны лишь в той мере, в какой индивидуум их добровольно принял как субъект равноправных отношений), из которого вытекают, соответственно, взаимные обязательства граждан и государства, а не односторонние обязанности подданных перед государством.

Западные общества, в-четвертых, основаны на принципе разделения властей, при этом власть должна быть выборна, осуществляться опираясь на большинство, но регулироваться обязательными конституционными правовыми нормами, при этом власть не может распространяться на определенные сферы частной жизни, а у меньшинства должны быть правовые гарантии, обеспечивающие его интересы. Соответственно власть должна быть легитимна (законодательная власть должна избираться народом), эффективна (исполнительная власть должна быть автономна), а судебная власть является независимой от первых двух (должно обеспечиваться подчинение как граждан, так и государства закону).

В основе таких обществ, в-пятых, лежит системно-функциональный принцип, в соответствии с которым не так важно содержание элемента системы, как та функция, которую этот элемент выполняет.

В них существует, в-шестых, принцип отделения ценностей от интересов, в соответствии с которым в области политики не решаются смысловые вопросы бытия, так как итоги политического соревнования не окончательны (через определенное, весьма короткое время можно будет снова законно прийти к власти), и во время этого соревнования (выборов) согласовываются практические (мирские) интересы, по которым возможен, и даже необходим, компромисс различных политических сил.

Общества такого типа, наконец, пропагандируют систему «открытого» типа («открытое общество»), в котором в идеале нет сословных перегородок, существует высокая социальная мобильность, отсутствуют «великие» коллективные ценности (т.е. главенствует принцип автономности интеллектуальной деятельности), где национального суверенитета нет (или он постепенно сводится к минимуму), и существует принцип равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности.

В восточном политическом мире все выше перечисленные принципы в той или иной степени могут существовать, но они не являются главными. В обществах восточного типа основополагающими являются другие принципы.

Во-первых, это принцип воздержания от волюнтаристской активности (знаменитая концепция древнекитайской политической философии у-вэй («недеяния») и ее сегодняшнее дэнсяопиновское воплощение «переходить реку, нащупывая камни», т.е. в восточном мире нет «деятеля» («преобразователя») в «западном» смысле этого слова, там человек следует ходу вещей, великому космическому закону (вспомним принципы организации войска, осуществляемые Наполеоном и Кутузовым, как они выписаны

Л. Толстым в романе «Война и мир»), в соответствии с которым этика и ритуал слиты вместе, ритуал кодифицирует писанные и неписанные законы поведения, причем в области морали и этики творческие импровизации являются сомнительными. В этой системе социальное поведение должно быть предсказуемым, каждый должен ждать своего часа, идеал – патерналистская модель, основанная на отцовской опеке и соответствующей ей сыновней почтительности. Соответственно этим принципам политический процесс – не процесс производства власти как на Западе, а вычленение и поддержка имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного.

Во-вторых, восточные общества основаны на теократическом принципе, в соответствии с которым государство – постоянно мобилизованный носитель ценностных, нравственно-религиозных критериев, стремящихся контролировать все социальные практики. Такое понимание государства основано на восточной традиции, в соответствии с которой город есть воплощение государственной власти, а народ есть духовная общность, скрепленная традицией (т. е. общностью культурной памяти) и надеждой на грядущее воплощение правды-справедливости. Соответственно, на Западе город выступал как частно-гражданская альтернатива государственной власти и основа «гражданского общества», а государство было бесстрастным наблюдателем процессов, происходящих в гражданском обществе, вмешивающееся в его жизнь только в случае прямых беспорядков. В восточных обществах политическая власть может ограничиваться и контролироваться духовной властью в «помыслах», т.е. высших ценностных ориентациях. Отсюда следует вера в сакральность всего земного пространства на Востоке и соответственно в необходимость осуществления принципа соборности (А. Хомяков), т.е. организации светского общества по принципу храмовой с иерархией священник/царь/пророк и обязательным посредником

между человеком и Богом.

В обществах такого типа, в-третьих, действует принцип уравнительной справедливости, т.е. статус человека в обществе определяется скорее не происхождением, связями, деньгами, личными успехами, а служебным усердием. В соответствии с этим принципом административные территории внутри государства должны контролироваться верховной властью, должно в той или иной степени существовать центральное регулирование экономики и государственная монополия на недра.

Государства восточного типа, в-четвертых, основаны на принципе «священной справедливости», т.е. государственность в них – мессианская, свобода не индивидуальная, а коллективная, это свобода народа, которая конструируется коллективно, у народа соответственно – коллективная судьба, коллективное призвание (нельзя спастись одному, можно спастись только всем вместе), государственность является сакрализованной, и она воспроизводится в локальных сообществах как высшая ценность [см.: Панарин, 2000].

Таким образом, если мы признаем не только то, что политическая культура может определять политическую систему, но и согласимся с фактом плюрализма политических культур и, соответственно, взглядов на политическую систему и политику вообще, то, в частности, не отрицая того факта, что демократия не идеальный способ правления, но наилучшего человеческая политическая мысль пока не придумала, мы должны будем признать:

- наличие разных типов обществ (западного и незападного, где среди незападных существует особый подтип восточных);

- наличие разных видов, моделей демократий (не только европейской и американской типов), а скажем, азиатского типа (японская, тайваньская и др.), причем демократии «другого» типа могут, по-видимому, достаточно сильно отличаться от европейской и американской моделей, в связи с отличиями социально-политических структур в этих странах, но при этом все же являться демократиями;

- наличие специфики, культурной и социально-психологической, т.е. связанной со спецификой культуры (в частности политической) и национальной психологии и национального характера (в частности, в связи с особой ролью религиозного или какого-либо другого фактора, к примеру, связанного с существованием правовой системы особого рода) и т.д.;

- наличие «других» политических систем и политических культур, которые «не лучше» и «не хуже», а просто «другие» (подобно тому, как мужской пол не лучше и не хуже женского, а просто другой пол), и, возможно, лучше приспособлены для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западный, типа;

В проблеме типологизации политических систем и их сравнении с «эталоном» есть достаточно большая доля идеологизированности и субъективности, связанная с тем, что методологически любая типологизация связана с редукцией и интерпретацией.

Признание этих положений позволит нам дополнить (или точнее – наполнить) описание общих закономерностей функционирования политических систем региональной и страновой «плотью и кровью», т.е. конкретным анализом специфики политических систем и политических культур других стран и регионов мира, в частности стран Востока, во всей сложности их реального функционирования.

В этом случае усвоение материала по данной проблематике, в частности при «конструировании» учебного процесса, должно начинаться с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования политических систем, далее можно переходить к ознакомлению с общими характеристиками политических систем разных государств регионов мира (т.е. в разных «спатальных» развертках), типологизированными по разным критериям, а потом уже можно углубляться в анализ конкретной специфики функционирования восточных политических систем определенного типа в определенных регионах, т.е. анализ материала и обучение строятся на разработанном нами «спатально-аналитическом» принципе, а не на превалировавшем ранее противопоставлении «спатального» принципа «аналитическому».

Таким путем, на наш взгляд, можно получить представление о специфике функционирования политических систем Востока, не забывая об общих закономерностях, а знание общих закономерностей не будет исключать не только конкретного знания того, как функционируют политические системы конкретных стран Востока, но и специфики их функционирования. При этом полученные знания не будут оторваны от жизни, а могут быть достаточно легко применены в практической деятельности.

Воскресенский А.Д. Политическая компаративистика как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их трансформации на Востоке // Восток. 2005. № 2. – С. 102–105.

Вопросы и задания

1. Воспроизведите логику рассуждений А.Д. Воскресенского по вопросу о политической модернизации в незападных странах.

2. На основе каких принципов политической компаративистики ученый выстраивает свой вывод о необходимости признания факта существования различных видов, моделей демократии? Сформулируйте свое отношение к этому выводу.

Задание 3.

Изучите извлечения из Указа Президента РФ (1996 г.) и ответьте на вопросы.

1. Как соотносятся цели региональной политики РФ с целями

региональной политики в других странах? Что между ними общего? Какие цели региональной политики в РФ позволяют говорить о ее особенностях?

2. На что направлена региональная политика РФ в области внешних связей субъектов РФ?